

ПРОЛОГ

Где бы ты ни был, что б ты ни делал,
Между землей и небом война...

Виктор Цой

1942 год, 20 ноября, где-то в России...

Шёл снег. Большие мокрые хлопья, лениво кружась, летели к земле и, едва коснувшись пока еще теплого асфальта, расплывались лужами коричневой жидкой грязи. Не таяли они лишь на лицах мертвых солдат, смотрящих в небо остекленевшими глазами. Снег ложился на недавно живую кожу и застывал ледяной коркой, будто пытаясь сохранить, заморозить последний вздох, взгляд, шёпот, посланный в бесконечно далекую высоту.

Но в тот зимний день не только снег падал сверху на город. Там, в небе, ревели невидимые снизу самолеты, строчили пулеметы, грохотали разрывы. И оттуда, из непроглядно-серой пелены, свистя и завывая, летели к земле авиабомбы, чтобы снова и снова рвать её тело, перемаывать в кашу людей, здания, уродовать каменную плоть умирающего города.

По разбитой улице бежал солдат, зажимая дыру в разорванном бушлате. Из-под растопыренных пальцев сочилась кровь, расплываясь бурым пятном на желтом сукне. Человек спотыкался, падал, вставал и снова бежал вперед, скользя разбитыми ботинками по жирной осенней

грязи. Казалось, он не замечал ни раны, ни близких разрывов, вздымающих к небу пласты вывороченного из улицы асфальта, ни свистящих над ухом раскаленных осколков.

«Почему *оно* еще не догнало меня? — толчками билась мысль в его голове в такт готовому вырваться из груди сердцу.— Неужели потеряло след? Вряд ли... Слишком много мертвечины вокруг, наверное, её запах сбил *его* со следа? Но *оно* не отступится, *оно* уже где-то рядом... Бежать... Может, успею...»

Человек споткнулся об изуродованный труп, тяжело упал, с трудом поднялся на ноги, но успел сделать только один шаг. Прямо над его головой раздался свист, переходящий в ужасающий вой, похожий на крик смертельно раненного демона...

Раздался взрыв... И почти мгновенно черный провал поглотил сознание беглеца...

Он очнулся в тишине.

Бомбёжка укатилась куда-то на восток, напоминая о себе отдаленным грохотом разрывов. Теперь смерть гуляла там, а здесь остались лишь развалины, дымящиеся воронки и горы трупов.

Человек приподнялся на руках и попытался встать. Странно. Он совсем не чувствовал ног. Может, просто потому, что чувствовать было нечего?

На том месте, где положено быть ногам, расплескалась кровавая каша, и жирная крыса уже копалась в мёртвой, но ещё тёплой плоти.

— Врёшь... гадина! — с трудом прохрипел раненый.— Я ещё живой!

Парень закашлялся, выплюнул на разбитый асфальт кровавый сгусток. Потом стиснул зубы и из последних сил рванул суконный отворот, с корнем выдирая оставшиеся пуговицы. Полы бушлата разошлись, обнажая впающую грудь, чуть прикрытую изношенной тельняшкой, и тощий живот, в котором зияла глубокая рана, напомина-

ющая расплывшийся в жуткой ухмылке красный рот, оскаленный по краям неровной кромкой сломанных рёбер.

— Живой я... — прошептал человек. И жутко улыбнулся красными от крови губами. После чего слегка раздвинул края раны и осторожно погрузил кончики пальцев свободной руки в горячие, трепещущие внутренности.

И пришла боль.

Она вонзила свои клыки в истерзанное тело, кипящей смолой разлилась по тому, что еще недавно было ногами. Колоссальным усилием воли человек вернул ускользающее сознание, сжав зубы так сильно, что они, царапая осколками язык, стали крошиться во рту.

Он ввёл в рану пальцы до середины...

Лицо его стало белее мела, крупные капли пота выступили на лбу, зрачки расширились от избытка адреналина, заполнив неестественной для обычного человека чернотой глазные яблоки... но упрямые пальцы продолжали ковыряться в разодранном животе.

Огромная трещина с грохотом расколола разбитую взрывами дорогу. Земля начала содрогаться в конвульсиях, как будто что-то громадное и живое пыталось вырваться из-под неё.

Но солдат не обращал внимания на посторонние звуки. Его рука уже полностью была в открытой ране, шевелилась, искала что-то среди переплетения кишок... Наконец он нашел то, что искал, закусил губу осколками зубов — и резким движением вырвал руку из своего развороченного живота.

Раненый обессиленно откинулся назад, слабо улыбнулся бледными губами и медленно разжал руку. На его ладони, масляно переливаясь измазанными кровью драгоценными камнями, лежал серебряный металлический диск.

А земля неистовствовала. Уже две, три, шесть щелей раскололи асфальт, дымящийся от свежей, обильно проли-

той крови. Казалось, будто кто-то громадный и чудовищно сильный бьется под землей, пытаясь выбраться наружу. Улица вспучивалась, скидывая с себя развалины зданий, покрывалась новыми трещинами — и опадала, чтобы через мгновение содрогнуться от еще более мощного удара.

Взгляд солдата медленно затягивался чёрной пеленой смерти, но обескровленные белые губы упрямо шептали на древнем языке слова то ли молитвы, то ли проклятия...

— *Si metu coactus, adii hereditatem...* — и трещины увеличивались в размерах, поглощая искореженные танки, трупы людей, обугленные скелеты деревьев. — *Puto me heredem, quia quamvis si liberum...* — и нечеловеческий рёв ужасного, но, безусловно, живого существа, рвущегося из недр обожженной войной планеты, заложил уши и заставил сердце замереть на секунду. — *Esset, noluissem, tamen coactus volui!* — выкрикнул солдат — и засмеялся. Он сделал то, что хотел. И ему больше не было страшно. Он успел...

Яркая вспышка неестественно яркого света разорвала воздух... и воцарилась мёртвая, всеобъемлющая тишина...

Крепкий мужик лет сорока, в ватнике и с автоматом ППШ, заброшенным за спину, подбежал к умирающему:

— Ваня, господи, да как же это... Счас, браток, погоди, не шевелись. Счас сестричку позовем, усё будет хорошо, починят тебя, залатают...

Солдат с трудом открыл глаза и протянул мужику окровавленный амулет.

— Минаич... Передай внуку... — прошептал он.

— Какому внуку, Вань? Нету же у тебя никакого внука, сам же говорил, только сынок-малец. А у меня так вообще никого родных нету... Чьему внуку передать-то?..

Но солдат уже ничего не слышал. Его остановившийся взгляд был устремлен в низкое серое небо, похожее на надгробную плиту, которая вот-вот накроет землю... И тоненький, слабый солнечный лучик, случайно пробившийся сквозь свинцовые тучи, метался, запутавшись в неподвижных ресницах мертвеца.

Книга первая

ЗАКОН ВОИНА

И если, вынужденный угрозой, я принял наследство, то полагаю, что я стал наследником. Но если бы я был свободен в своем выборе, я бы не пожелал становиться им. Однако, хотя и вынужденный, но я всё же пожелал.

Римское частное право

